

Николай Михайлович Карамзин

**О верном способе иметь в
России довольно учителей**

Николай Михайлович Карамзин

О верном способе иметь в России довольно учителей

«...Есть два рода людей, у нас и везде: одни верят силе и легким успехам добра, радуются намерением его как делом, и – мимо всех возможных или необходимых препятствий – летят мыслию к счастливому исполнению плана; другие трясут головою при всякой новой идее человеколюбия тотчас находят невозможности, с удивительною методою разделяют их на классы и статьи, улыбаются и заключают обыкновенным припевом лениваго ума: как ни мудри, а все будет по старому! В доказательство нашего беспристрастия согласимся, что первые не редко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бывают правы: но скажем и то, что люди не успели бы ни в чем хорошем и благородном, если бы все имели такой образ мыслей...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Николай Михайлович
Карамзин**

**О вѣрномъ способѣ имѣть
въ Россіи довольно учителей**

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣреніемъ его какъ дѣломъ, и – мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій – летятъ мыслию къ щастливому исполненію плана; другіе трясутъ головою при всякой новой идеѣ челоуѣколюбія тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ ни мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что первые не рѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, если бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, творцы государственнаго блага, не сіяли бы тогда въ Исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, которыя они преодолеваютъ.

Такимъ образомъ и сей новый уставъ просвѣщенія, которымъ утѣшаются добрые Патріоты, можетъ иному флегматическому

скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: „гдѣ Россія будетъ находить столько учителей сколько ихъ нужно для уѣздныхъ и Губернскихъ школъ по новому образованію? кѣмъ наполнятся Педагогическіе Институты? можно ли надѣяться на довольное число охотниковъ?“ Отвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои донинѣ выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужестранными Профессорами, всегда славился и Рускими, которые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ отечественной. Другіе учились временно, мимоходомъ, и рѣдко доучивались; но изъ питомцевъ Монаршей благодѣтельности выходили хорошіе Студенты, Бакалавры, Магистеры, Профессоры. Обязанные моральнымъ бытіемъ своимъ

Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ состояній, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали на себя должность наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительство новыми благодѣяніями оживитъ сей Институтъ, то Россія будетъ имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ, сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ итти симъ путемъ! сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, морально образованы, просвѣщены, и черезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи толь полезномъ!

Жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ челоѡка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и посторонніе честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія будутъ на дѣлѣ изъяслять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія за особенное усердіе и способность въ отправленіи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсію, какое щастіе для челоѡка, который родился въ бѣдности и могъ быть тягостію для злополучнаго отца, естли бы благодѣтельное Правительство не взяло на себя его воспитанія! — Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянія. Народный учитель есть, конечно, какъ говорится, не знатной, не великой господинъ; но малочиновность бываетъ оскорбительна для самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частыхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (отцы и родственники учениковъ), и можетъ скорѣе воз-

гордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе замѣчаніе такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ гордость *школьнаго мастера* вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны несчастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, отдаетъ ихъ въ распоряженіе Правительства; бѣдные готовы служить во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россія на первой случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не для успѣховъ самой Науки — не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но естьли и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ

гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на Профессорскую кафедру? Хотя – признаюсь – я душевно бы обрадовался первому феномену въ семь родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, морально, и приближать щастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!.. Но я долженъ извиниться передъ читателями: такія мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что естьли въ Москвѣ и въ каждомъ *ученомъ округѣ* Россіи будетъ отъ трехъ до пя-

ти соть воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то черезъ 10 или 15 лѣтъ Университетскимъ Правленіемъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ до званія учителей. Патріотическая ревность нашего дворянства и купечества можетъ въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною пользою, чтобы не отяготить казны издержками. Благодареніе есть потребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерднѣе. Человѣколюбивыя намѣренія Монарха явно дѣйствуютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропія*; вездѣ хотятъ общепользныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный!. Оставимъ Правительству учредить и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную потребность Россіи, Оно всего болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ щастливѣе и въ собственныхъ изобрѣтеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага

людей. Уже Патриотизмъ готовъ дерзну сказать, удивить Россію своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не дозволяетъ намъ еще произнести имени. Исторія нашего отечества доказываетъ, что многіе Рускіе имѣли славу быть первыми въ блестящихъ дѣлахъ добра, но никогда не оставались безъ подражателей: наше время безъ сомнѣнія не представитъ исключенія. Если мы, усердно прославляя знаменитыхъ благотворителей Россійской учености, не имѣемъ способовъ равняться, въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло итти къ жертвеннику отечества и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богатой челоуѣкъ достойно славится тѣмъ, что его благотворительность воспитываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣе его можетъ радоваться мыслию, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего трудолюбія, дастъ хотя одному сыну бѣднаго мѣщанина средство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодѣяніе такого роду безконечно, и слѣдствія его переживутъ нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на

современниковъ, дѣйствуетъ и на потомство, которое не особеннымъ откровеніемъ, а нашими мыслями и свѣдѣніями должно просвѣтиться.

Московскіе дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодѣяніемъ Университета – гдѣ они или сами учились или учатъ дѣтей своихъ – не захотятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? Не захотятъ ли присвоить ему славы надѣлятъ Россію учителями, а другіе Университеты Профессорами? Для сего (повторяю) надобно только умножить число народныхъ или государственныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназіи; и тогда Ректоръ Университетскіи, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: «вотъ питомцы щедраго Московскаго Дворянства!» Съ какимъ удовольствіемъ сіи государственные благодотворители видѣли бы успѣхи молодыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ питомцемъ и гордился бы его отличіемъ. Содержаніе ученика стоитъ въ годъ около 150 рублей: какое же дру-

гое удовольствіе можемъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щастливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердець, веселыя лица, чувствительность Рускихъ къ добру, вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ челоѵколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождаться. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душею челоѵка. — Разныя обстоятельства измѣняли нашъ простой, доброй характеръ, и запятнали его на время; видимъ людей углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Патріотовъ, въ которыхъ истинная Руская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на гласъ отечества, когда онъ несется съ Трона.

Ц. Ц.

Примечания

Указатель къ Вѣстнику Европы 1802–1830

15. О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей (ч. 8, № 8, стр. 317–326), подписано Ц. Ц. Статья Н. М. Карамзина, перепеч. въ П. С. С., т. 3 стр. 340, изд. Смирдина. Мысль автора увеличить количество воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи.